

Анастасия
Шерр

18+

ТАИР

СПАСИ МЕНЯ

Анастасия Шерр
Таир. Спаси меня

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Шерр А.

Таир. Спаси меня / А. Шерр — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Ежегодно на Востоке тысячи девушек и женщин гибнут «во имя чести». Я также выросла в жестокости и боли. В четырнадцать лет меня едва не выдали замуж за старика, а когда попыталась воспротивиться – едва не казнили. Я не знала, что есть мир, отличный от моего, где нет насилия и наказания за грехи. Однажды я встречу мужчину, который заставит меня согрешить и буду вынуждена покинуть родной дом, став его женой. Женой Таира – злодея и похитителя женских сердец и душ. И, возможно, именно он станет моим спасением.

© Шерр А., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Анастасия Шерр

Таир. Спаси меня

ВНИМАНИЕ!

Основано на реальных событиях. Женищина, поведавшая автору эту историю, пожелала остаться анонимом. Имена и некоторые события намеренно изменены или выдуманы.

Данная книга не претендует на достоверность и носит сугубо художественный характер. Автор книги не несет ответственности за возможные совпадения. Также автор не несёт ответственности за возможные неприятные эмоции. Жанр обозначен как триллер и остросюжетный роман. В книге присутствует насилие, как физическое, так и моральное, а также преступления во имя чести.

АННОТАЦИЯ

Ежегодно на Востоке тысячи девушек и женщин гибнут «во имя чести». Я также выросла в жестокости и боли. В четырнадцать лет меня едва не выдали замуж за старика, а когда попыталась воспротивиться – едва не казнили. Я не знала, что есть мир, отличный от моего, где нет насилия и наказания за грехи. Однажды я встречу мужчину, который заставит меня согрешить, и буду вынуждена покинуть родной дом, став его женой. Женой Таира – злодея и похитителя женских сердец и души. И, возможно, именно он станет моим спасением.

Очень эмоционально.

Жестокость и насилие (не между главными героями).

Триллер.

Остросюжетный роман.

Основано на реальных событиях.

Все герои на момент вступления в интимные отношения – совершеннолетние!

ГЛАВА 1

Волосы мне обрезали с самого детства так коротко, что я походила на мальчика. Я всегда завидовала соседским девочкам, у которых были длинные, шелковистые локоны, которые они будто специально расчёсывали, сидя в саду. Мне же нравилось наблюдать за ними из своего сада, собирая яблоки или персики. Или пропалывая сорняки. Я никогда не гуляла без дела, в отличие от тех же ровесниц. У меня не было детства, не было дней рождения. Вместо веселья и игрушек – работа. Вместо подарков – упрёки, побои и тычки от отца, матери и братьев.

Я не роптала. Знала, за что они меня ненавидят. За то, что я девочка. Проклятье на головы отца и матери, которое рано или поздно опозорит их. Мой отец всегда говорил, что рождение девки – это наказание за грехи матери. Видимо, она однажды недостойно повела себя и поплатилась за это рождением девочки.

Мама тоже считала меня наказанием. Она не говорила, за какой грех, однако, всегда твердила: «Проклятье. Ты – проклятье моё. Нужно было утопить тебя, когда родилась!»

Мне было стыдно за это. За то, что родилась девочкой. За то, что не оправдала надежд родителей и не родилась мальчиком. Жаль. Очень жаль. Тогда мама любила бы меня, как братьев – Фарида и Амина, а папа сажал бы в свою машину и увозил бы в город, там покупал бы мне конфеты и сладкую газировку. Но он не возил. Потому что я была девочкой.

Я должна была всё время находиться дома, чтобы готовить еду, стирать, убирать и прислуживать моим обожаемым братьям. Я тоже любила братьев. Пока была маленькой. А потом, лет так с семи-восьми они начали меня избивать. Не сильно. Но мне многого и не надо было.

Маленькая, худенькая, я заваливалась на землю или пол после первого тычка или подзатыльника. Но я была выносливой. Всё, что я пережила, заставило меня стать сильной и непоколебимой.

– Самина! – в очередной раз крикнула мама и стегнула меня по шее пустым пыльным мешком.

– Что? – я встрепенулась, вытирая пот со лба. Этим летом было особенно жарко и солнце напекало голову даже сквозь плотную ткань платка.

– Ты опять в облаках витаешь? О чём только думаешь! – мама не любила, когда я отвлеклась на собственные мысли. На них я не имела права. Потому что они обязательно порочные и греховные. А ещё мне не позволялось смотреть телевизор и иметь телефон. Грех, говорила мама. Нельзя. За грех наказывают. Я росла в жутком страхе перед этим словом, которое своим значением перевешивало все остальные слова: плохие и хорошие. Оно значило для меня больше, чем «мама» или «папа».

Единственная, кто меня любила, – соседка Фатиха. У неё было восемь детей: шесть девочек и два мальчика. Странно, но Фатиха не выглядела несчастной, как моя мама. Казалось, она даже любит дочек. Хотя в детстве я думала, что притворяется. Ведь дочки – это наказание, их невозможно любить! Я всё осознаю лишь через годы. Пойму, что не все в нашей деревне были такими же фанатиками, как моя семья, где бить и оскорблять своего ребёнка считалось нормой. Где ребёнка ненавидели лишь за то, что он родился девочкой.

– Прости, мама. Я скоро закончу со стиркой, – я стирала руками, потому что жили мы довольно бедно и у нас не было стиральной машины, как у той же Фатихи. Когда отец с матерью и братьями уходили в поле, работы у меня значительно прибавлялось, как и грязной одежды.

– Оставь это. Иди к отцу. Он хочет поговорить с тобой.

По телу побежали мурашки, как и всякий раз, когда папа звал меня на кухню, где подолгу засиживался с братьями, выкуривая свою длинную трубку с крепким табаком, от которого у меня слезились глаза.

Я боялась таких моментов, потому что о хорошем поговорить отец меня не звал. Никогда. Это значило, что я провинилась и меня ждёт наказание. Иногда это была палка, которой мы гоняли коров на пастбище, а иногда – пощёчины, из-за которых потом долго горели щеки. В редких случаях отец обходился словесными упрёками, я же покорно кивала и убегала из кухни, как только мне это позволяли.

Мать ни разу не заступилась за меня, хотя я ждала этого, пока была маленькая. Она и сама боялась отца, тому ничего не стоило поколотить нас обеих. Правда, мне потом доставалось ещё и от обиженной матери, ведь это из-за меня все её беды.

– Но я же ничего не сделала, – тихо возразила матери, а та раздражённо цыкнула и покачала головой.

– Не будет он тебя бить, иди уже. Новость скажет.

Новость? Мне? У него испачкалась одежда, и её нужно постирать? Или приготовить поест? Других новостей мне никогда не преподносили.

Всё же пошла, не решаясь послушаться. В противном случае отец накажет. Тогда мне было четырнадцать, и я его ненавидела. Ненавидела так же сильно, как и боялась.

Вошла на кухню, поклонилась ему, низко опустила голову. Это традиция. Смотреть в глаза прямо отец не разрешал.

– Проходи, Самина, – пригласил он доброжелательным тоном, и что-то внутри перевернулось. Он редко говорил со мной в подобной манере. Почти никогда. А по имени и вовсе не называл. «Ты! Девчонка!» – так обычно он подзывал меня к себе. – Присядь, – указал на лавочку рядом с ним, и я окончательно растерялась.

– Я что-то сделала не так?

– Иди-иди, не бойся. У меня для тебя радостная весть.

Я слабо представляла, что такое радостная весть. Конечно же, знала значение этого словосочетания, но ко мне оно было неприменимо. Радости в моём детстве было откровенно мало.

– Хорошо, – я присела рядом, сложила руки на коленях.

– Скоро к нам придут сваты. Замуж тебя отдадим. Радуйся.

ГЛАВА 2

Радоваться у меня поначалу не получилось. Да и потом тоже. Я лишь открыла рот и безумным взглядом впилась в длинную бороду отца, не смея поднять глаза выше.

– Замуж? Меня? – может я что-то не так расслышала, и он говорит не обо мне? Может, это он хочет идти сватать девушку для Фариды? Как-то я слышала их разговор с матерью, та говорила, что Фариду нравится одна из соседских девушек. А ещё у неё приданное богатое будет. Но отец тогда накричал на мать, заявив, что у нас нет денег даже на сватовство, что уж о свадьбе говорить. Мать замолчала, а отец переключился на меня и накинута с упрёками, что брожу без дела.

– Тебя, кого же ещё? – кивнул отец своей лохматой головой, развеивая в пух и прах мои сомнения. Я заплакала. Закрыла лицо руками и зарыдала.

– Не хочу замуж. Не хочу...

– А тебя никто не спрашивает! Я так решил, значит пойдёшь! Или ты хочешь остаться иссохшей старухой без мужа и детей?! – прогремел отец над моей несчастной головой.

Для женщин нашей деревни было самым страшным наказанием (разумеется, помимо рождения девочки) – остаться без мужа к двадцати годам. В девятнадцать – и то уже поздно. Старуха – так называли девушку, которую никто не сосватал. Над ней смеялись и жалели, как какую-нибудь сумасшедшую. А если девушка была красива, то называли шлюхой. Если красавицу никто не захотел сосватать – значит, она грязная, согрешившая.

И я, как и все остальные, взращенная на этой ненависти ко всему женскому, тоже сторонилась таких девушек. Я не смотрела на них с осуждением, как делала моя мать, но и не общалась с ними, чтобы меня не назвали такой же... Шлюхой.

Стать шлюхой – значит, опорочить весь свой род. Лишить семью чести и достоинства. От этой семьи все отвернутся и будут бросать камнями им вслед. Даже маленькие дети. Так будет продолжаться до тех пор, пока кто-нибудь из семьи не убьёт согрешившую, чтобы смыть её кровью позор. А потом их будут все жалеть и сочувствовать. Не потому, что они потеряли дочь, сестру или жену. А потому что на их долю выпало пережить этот позор. Говорили, в соседней деревне подобное случалось часто. У нас же такого случая не было. До того дня...

– Не хочу... Не хочу замуж. Не хочу, – твердила, как заведённая, на что отец разозлился и прогнал меня.

Я бросилась к матери, упала ей в ноги, обхватывая колени и целуя руки, которыми она пыталась меня оттолкнуть. Я не знала, за кого они хотят отдать меня, но отчего-то до ужаса боялась. В нашей деревне я мало кого знала из мужчин. Мне было запрещено разгуливать по улице без веской на то причины. Исключением являлся поход в магазин, к менялам и торговцам или на пастбище. И то только в присутствии матери. Да даже если бы её не было рядом, я всё равно не осмелилась бы поднять взгляд на мужчину, чтобы не стать шлюхой. На мужчин смотреть – большой грех. Можно только на родных братьев. О том, чтобы заговорить с чужим мужчиной, вообще речи не шло. За такое могли казнить сразу же, без суда и следствия. Впрочем, обычно так и делали. Это уже через годы я поняла, что самосудом мои земляки занимались без веских доказательств вины. Девушку даже не всегда водили к врачу, чтобы определить, девственна она или нет. Если главе семьи казалось, что это лишнее, приговор выносили просто со слов соседей или знакомых, которые видели, как девушка опорочила честь семьи. Потом я буду задумываться над тем, что происходило на моих глазах, о том, что произошло

со мной... Почему люди поступали так со своими родными? За что? Что побудило их стать такими? Вера? Нет. Религия здесь ни при чём. Это сотворили сами люди. От злости своей, от зависти или боли. Неважно. Всему виной люди. И я буду долго ненавидеть их всех за ту боль, что мне пришлось пережить.

– Отстань, полоумная! – прикрикнула на меня мать, толкая на землю, и я растянулась прямо в луже, куда выливали грязную воду после стирки.

– Нет, мама, нет! Не отдавайте меня! Я не хочу замуж! Ты же говорила, через два года после того, как пойдёт кровь!

Месячные наступили весной, а значит, у меня ещё было время. Уже тогда я понимала, что несколько месяцев не спасут меня от неминуемого замужества, и я, конечно, хотела замуж... Но мечтала выйти за того, кто придёт к нам свататься, я его увижу и полюблю. Как в фильмах, которые мать с Фатихой смотрели по вечерам, когда отца с братьями не было дома, а соседка сбегала ненадолго от своих. Я украдкой следила за происходящим на экране старенького телевизора и мечтала так же... Чтобы можно было не заматываться в тяжёлое, жаркое покрывало, когда выходишь из дома, чтобы жених в присутствии родителей надел мне на палец золотое кольцо, а мама подарила мне несколько красивых платьев и вручила приданое. И чтобы жених был красивый и нежный. Чтобы увёз меня отсюда подальше и больше никогда не позволил вернуться домой. У меня бы отросли, наконец, длинные волосы, и я надевала бы только красивую одежду.

Я мечтала об этом втайне, никому не рассказывая о своих грешных мыслях. Да и некому было рассказывать. Только несколько овец да пара худых коров. Им я тоже ничего не говорила, боясь, что мать может услышать и рассказать отцу. Сама она редко меня била. Могла дать затрещину или тряпкой отмахнуться, но так сильно, как бил отец, – никогда. Вот только я сомневалась, что она сохранит мою тайну. Первым делом пожаловалась бы ему, человеку, которого я со временем возненавидела так сильно, что, видя, как он уходит со двора, хотела воткнуть в его спину вилы. Причинить ему боль хотя бы раз.

– Замолчи! Кто ты такая, чтобы спорить с отцом? Как посмела?

Я не знала, как посмела, откуда во мне взялось столько смелости и духа. Поднявшись с земли, шагнула к матери и схватила её за руку.

– Не отдавай меня! Мне там будет плохо! Я знаю, мне будет плохо! – предчувствие меня редко обманывало. Я всегда знала, когда отец вернётся домой злой и побьёт меня. Всегда это предвидела. На этот раз я тоже почувствовала опасность и тревогу. И снова не ошиблась.

– Глупая девчонка! Ты даже не представляешь, как тебе повезло, – мать с опаской обернулась на кухню, а потом потащила меня за сарай, больно сжимая запястье. – Твой жених очень богатый. Будешь жить как королева. Мы даже не могли мечтать выдать такую худую и некрасивую девочку за подобного мужчину. Больше не будешь пасти овец да коров, будешь в золоте ходить, – мать шептала мне это так горячо и вдохновенно, что я даже замолчала, прислушавшись к её словам.

А что, может, зря я так всполошилась? Может, это билет на свободу? Туда, где я не буду бояться побоев и греха? Туда, к красивым платьям и расшитым шелковым платкам?

Золото. Мать неустанно твердила о золоте, которого у меня будет целая гора. Я видела золото только раз, в материнском сундуке, она прятала его в тряпичной сумочке. Кажется, это были серьги. Красивые, блестящие. Однажды я вытащила их, чтобы посмотреть, за что получила по рукам. Мать никогда их не надевала, наверное, боялась потерять.

Золото – это хорошо. Золото – это богатство, а богатые люди могут многое. И я не буду тогда стирать руками и есть невкусную кашу. Когда у нас было туго с деньгами, мясо ели только отец и братья, потому что они мужчины и им нужна сила для работы. А мы с матерью ели кашу и фрукты.

Мать замолчала, у неё закончились доводы. Замолчала и я. О красоте жениха я не осмелилась спросить. Это грешно. Но решилась поинтересоваться о его семье. Мать злилась, но должна была меня уговорить.

– У него нет родителей. И других близких родственников тоже. Один живёт, в большом, красивом доме. Невесткой не будешь, как была я долгие годы, сразу же с первого дня станешь хозяйкой дома.

Это был веский аргумент. Контрольный, я бы сказала. После такой новости я уже сама захотела замуж. Пусть даже жених некрасивый. Главное, чтобы забрал меня отсюда.

ГЛАВА 3

Когда коровы и овцы зашли в сарай, а я закончила с приготовлением еды, мать загнала меня в комнату, прошипела, чтобы не высовывала нос.

– У тебя волосы ещё очень короткие, даже из-под платка торчат. Некрасиво. Больше стричь не будем, пусть до свадьбы немного отрастут. Да и синяк ещё не сошёл.

На скуле у меня действительно красовалась небольшая, но яркая гематома. Это брат Амин не рассчитал силу. Хотел подшутить надо мной, испугал, выскочив из-за угла дома, а я не удержалась и упала.

Мать ушла готовиться к встрече сватов, а я принялась метаться из угла в угол. Хотелось увидеть того мужчину, что решил меня сосватать. Странно, конечно... Почему меня? Я и правда слишком худая и непривлекательная. Вот у Фатихи старшая дочь очень красивая. Почему он не пошёл свататься к ней? Да и помимо дочерей Фатихи в деревне было много девушек, по возрасту подходящих для замужества.

А может, он тайно следил за мной и влюбился? Ведь любят не за красивое лицо – я слышала это в материнном сериале. Любят за красивую душу. Может, под этими тряпками он разглядел мою душу?

Спустя час из открытого окна до меня донёсся гомон. Людей было много: женщины и мужчины. Жаль, окно выходило в сад, и я не могла увидеть тех, кто вошёл во двор. Я слышала радостное восклицание моего отца, он приветствовал гостей и приглашал их к столу, который я помогала матери накрывать перед домом. Сначала они выпьют кофе, обсудят детали, а позже, когда решится вопрос со свадьбой, сядут поужинать. Я ждала этого момента, чтобы аккуратно пробраться в комнату братьев и оттуда выглянуть во двор.

Сердце билось так быстро и сильно, что, казалось, вот-вот лишусь чувств от волнения. Я боялась и одновременно предвкушала нашу встречу с женихом. Но пока такой возможности не представлялось, и я тихонечко прокралась в спальню Фарида и Амина. Воспользовавшись тем, что братья были на улице вместе с родителями, я бросилась к окну и, упав перед ним на колени, осторожно выглянула снизу. Во дворе горели две лампочки, которые отец запрещал включать в будний день. Только по праздникам. Вокруг лампочек суетливо летали бабочки и мошкара.

Я пробежалась взглядом по гостям и почти никого не узнала, кроме Фатихи и её мужа. Она, обычно весёлая хохотушка, сидела, опустив глаза и склонив голову. Наверное, стеснялась чужих людей. Я раньше их не встречала. Мужчин я вообще не знаю, кроме самых близких, а вот женщин в деревне видела всех. Эти были чужие.

Я обрадовалась. Значит, буду жить далеко от родителей.

Но где же жених? Он не пришёл? Его так же оставили в комнате, как меня? Да нет же. Что за глупости? Он же мужчина, кто же его заставит сидеть в комнате?

Да и мать сказала, что у него нет родителей. А представлять его интересы перед моим отцом может кто угодно: от дальних родственников, до знакомых. Вот бы они скорее договорились, и свадьба состоялась. Мне подарят золото и увезут отсюда. Я больше не буду доить коров и счёсывать пальцы до крови, пытаюсь отстирать толстый слой грязи со штанов братьев

и отца. А последний не будет меня бить из-за всякой мелочи. Мелочи, из-за которой он ничего не говорит Фариду и Амину, потому что они парни.

У меня будет своя семья, где меня будут любить. И если за какие-то грехи у меня родится девочка, я не буду обстригать ей волосы. Я куплю ей красивый платок и много платьев.

Жениха я так и не увидела. За столом не было молодых мужчин, но я успела рассмотреть золотые браслеты на кисти одной из женщин. Они отсвечивали жёлтым блеском и звенели, когда женщина что-то говорила, при этом будто нарочно жестикулировала этой рукой. У нас женщины так много не говорят и громко не смеются. Это грех. Грех привлекать к себе внимание мужчин. Грех тараторить без умолку за столом. Отец за такое побил бы мать. Но сейчас он сидел молча, лишь иногда поглядывал на женщину из-под косматых бровей.

Я не могла расслышать, о чём они говорят, а все мои мысли занимали эти браслеты. Они, должно быть, стоят целое состояние. С тех пор золото и начало ассоциироваться у меня со свободой. Пока это слово маячило перед взором призрачным маревом, но я отчаянно хотела её приобрести. Свободу...

– Ах ты, паршивка! – прошипел вдруг кто-то у самого уха, и я взвизгнула от неожиданности. Рука Амина тут же зажала мне рот. – Молчи, глупая, а то услышат, – руку он убрал, а во взгляде старшего брата я заметила смешливые огоньки. – Что, жениха своего хотела увидеть?

– Только отцу не говори, – взмолилась тихо, краснея из-за своего поступка. Нельзя смотреть на жениха, пока не позволят старшие.

Он задумчиво почесал жидкую, но пушистую бороду.

– Ладно, не скажу. Но ты тогда мне персиков пойди нарви.

Амин в отличие от Фариды почти не бил меня. Он был похож на мать, такой же хитрый, умный, изворотливый. Любил подшучивать надо мной, иногда рассказывал родителям о моих проступках и с ехидной ухмылкой наблюдал, как отец лупит меня палкой. Вот и сейчас я боялась, что расскажет. Но замаячившая впереди свобода придала смелости, и я спросила его:

– А ты видел того мужчину? Ну, за которого меня замуж отдают?

– Нет, он не пришёл. Но я видел его как-то в городе. Рынок, куда мы возим продавать фрукты, ему принадлежит.

Рынок? Целый рынок?! Я даже рот разинула от удивления.

– А какой он? – прошептала завороченно, совсем позабыв о приличии.

– Узнаешь потом, – снисходительно ответил брат. – Всё, иди к себе, дай отдохнуть.

– Нет-нет, скажи. Скажи, какой он? Хотя бы что-нибудь...

Амин как-то странно на меня взглянул, а потом, склонившись, заговорщицки прошептал:

– Старый и мерзкий. У него большой живот и лысина. И зубы вставные!

Я выбежала из комнаты братьев в слезах и бросилась к себе. Упала на скрипучую кровать, закрыв лицо руками.

Неправда. Это неправда. Брат соврал мне. Подшутил надо мной, поиздевался. Меня не могут отдать за старого, отвратительного деда!

ГЛАВА 4

– Как ты посмела мне перечить? Потаскуха! – рявкнул на меня отец, приближаясь с палкой, которой мать только что выгнала овец на малое пастбище. Отец вырвал палку из её рук и бросился ко мне, собираясь поколотить. Я закрылась руками, чтобы не попал по голове, и вдруг услышала тихий голос матери:

– Не стоит, Акрам. Не бей.

– Чтооо? – взревел он, поворачиваясь к жене и замахиваясь уже на неё. – И ты мне перечить вздумала?!

– Нет-нет! – замахала мать руками. – Ты сам знаешь, как лучше. Но если на ней синяки останутся, что скажем Асафу? Он же захочет её увидеть. А потом станет спрашивать, за что били. Мало ли что подумает про эту девчонку. Ещё откажется брать её.

Я выдохнула, когда отец опустил палку, вняв словам матери, что случилось довольно редко. Да и не заступалась мать за меня никогда. Я всегда ждала и верила, что однажды она пожалеет меня, проникнется, но увы... Да и тогда я не обольщалась. Она не за меня заступалась, она переживала, что старик не захочет взять меня в жёны.

Но поразило меня не это. То, что я для своих родителей значила меньше, чем одна овца из стада, не было для меня новостью. Тогда, в четырнадцать, я уже знала, что они меня ненавидят, и чуда не ждала. Поразило другое... Мать сказала, что жених захочет увидеть меня. Но она же мне говорила всегда, что до свадьбы нельзя видаться с мужчиной! Нельзя смотреть на того, кто тебе не муж. И мужчина смотреть не должен. Это грех! Я видела, как выдавали замуж своих дочерей наши односельчане, и всегда жених видел невесту только на свадьбе. По крайней мере, так все говорили.

– Не пойду за старика, – всхлипнула снова я, и отец, зло отшвырнув от себя палку, завopil на мать, тыча в меня пальцем.

– Это твоё воспитание! Ты не смогла одну девчонку нормально вырастить! Посмотри, как себя ведёт эта потаскуха! – отец всегда, когда злился, называл меня потаскухой. А я долго не понимала значения этого слова, думая, что это моё второе имя.

Я не любила, когда отец кричал на мать. Мне было жаль её. Несмотря на всё, что она мне говорила, на то, что ни разу не вступилась, не обняла, не прижала к своей материнской груди, я любила её. Не так, как любят дочери Фатику, но любила.

А ещё она была женщиной. Женщиной, которую также могли побить палкой, запереть в комнате или отругать. Я не знала родителей матери, отец не пускал нас к ним, хоть они и жили в соседней деревне, объясняя это тем, что теперь мать не имеет к их семье никакого отношения. Да и она не рвалась. Из чего я сделала вывод, что она не скучала по ним, раз ни разу не попыталась сбежать от отца к своим папе с мамой. Может, они были такие же, а может, даже хуже... Они также считали мать проклятьем и постоянно напоминали ей об этом. Думаю, что так и было.

Спустя годы я на многое, если не на всё, начну смотреть другими глазами. Я осознаю, какими больными были, если посмотреть глазами нормального человека, окружающие меня люди. Их души сгнили, превратились в тошнотворную, вонючую массу, они превратились в бешеных животных. Потому что всё это считать нормой невозможно. Всё то, что я и сама считала нормой до тех пор, пока Таир не вырвал меня из этой страшной бездны, где лишь вязкая чернота и смрад грехов.

Грехи. С ними у меня будет отдельная работа. Как узнаю я позже, грех – это то, что делали со мной мои родители. Токсичные, насквозь пропитанные своим фанатичным бредом и ненавистью ко всему, что в нормальном мире считается благодатью. С Таиром я узнаю, что женщин страстно любят, целуют, обнимают. Им дарят подарки и забирают у них тяжёлые вещи, чтобы не было тяжело. Их целуют по утрам и ревнуют без вреда их здоровью и без угрозы их жизни. Их не называют шлюхами лишь за один взгляд, их не бьют палкой и не таскают за волосы. В них не бросают камнями, стараясь попасть в голову, чтобы разбить лицо и увидеть кровь. Не пытаются этой кровью безвинной девочки смыть свои грехи.

Но всё это я познаю потом. Спустя годы. А тогда я смотрела на мать и плакала. Отец схватил её за волосы, потянул на себя. Так сильно, что у матери, всегда спокойной и тихой в его присутствии, брызнули из глаз слёзы.

– Потаскуха ты и твоя дочь! Вы навлечёте на мою голову позор!

– Нет, нет... Не будет этого, – мать через силу замотала головой, подняла на меня взгляд. Ненавидящий, злой. Такой страшный, что у меня заболело сердце. Она не смотрела на отца,

который причинял ей боль. Она смотрела на меня, считая, что это я виновата во всех её бедах. И я верила тогда, что так и есть. Ведь я её проклятье, причина того, что отец её больше не любит. Тогда я не понимала, что отец вообще никого не любит. И не любил никогда.

– Займись ею! – рявкнул отец, отшвыривая от себя мать так, что она не удержалась на ногах и упала на траву. – Если к вечеру не успокоится, забью её этой палкой! – а потом повернулся ко мне и затряс в воздухе своим кулаком. – Ты выйдешь замуж! Поняла?! Пойдёшь и будешь мужу ноги целовать! Потаскуха!

Отец ушёл, ругаясь и проклиная тот день, когда я родилась, а я подбежала к матери, чтобы помочь ей встать. Мне подумалось как-то мельком, что она сейчас оттолкнёт меня или ударит. Но она схватила своими ладонями моё лицо и вперилась в меня диким взглядом.

– Не противься, слышишь?! А то убьёт и меня, и тебя! За тебя Асаф золото обещал! Много золота! Отец не позволит тебе отказаться от свадьбы! Связанную, как овцу, отдаст! О нас подумай! О братьях, обо мне! Сколько ещё нам из-под коров навоз убирать?! О себе подумай, глупая! Будешь иметь всё! Будешь хозяйкой в богатом доме с прислугой! В золоте и изобилии купаться будешь! – увидев в моих глазах сомнение, мать оттолкнула меня, встала с земли. – Иди поешь и поспи. Завтра начну готовить тебя.

Я не знала, как меня собираются готовить. Я вообще мало что знала о свадьбе и отношениях между мужчиной и женщиной. Сначала невесту разрисовывают хной, надевают на неё вуаль и выводят к жениху. Их соединяют в браке, потом муж забирает свою жену в свой дом. Потом, спустя несколько месяцев, у них появляются дети. А потом эти дети становятся большими, и их тоже женят или выдают замуж. На этом мои познания о семейной жизни заканчивались.

Отец сказал, что свадьба состоится через семь дней. Семь дней, показавшихся мне адом на земле. Я с ужасом ждала того дня, когда увижу его. Мерзкого беззубого старика с большим животом и морщинами. С ним я уеду в его логово и там завяну, как цветок. Так сказала своей дочери Фатиха, собирая в своём саду яблоки. Фатиха говорила это не со зла. Даже немного всплакнула. Я же, привалившись к забору, обняла себя и заплакала.

Я редко плакала, привыкла не жаловаться на жизнь, принимать всё безмолвно и безропотно, знала, что никто не пожалеет. Но тогда мне стало так горько и больно, что не смогла смириться с предстоящим ужасом. Не могла позволить отцу выдать меня за старика.

Я решила бежать. Дождаться, пока все уснут, и сбежать. Только воплотить в реальность эту задумку было нелегко. Во-первых, мать пристально наблюдала за мной, и казалось, будто она следит даже ночью. По крайней мере, я слышала её шаги. Отец с братьями после тяжёлого трудового дня и плотного ужина всегда крепко спали, они не представляли угрозы на этом этапе. Но имелся ещё высокий забор, который отец запирает на ночь на замок, и выбраться из дома можно было только через сад, там дырка в заборе, через которую бегали кошки. Если постараться, я смогла бы туда пролезть.

Однако имелась ещё одна проблема, и она перевешивала своей значимостью две предыдущие... Куда я пойду? К кому? Кто меня спасёт? У меня не было родственников, кроме тех, кого я называла семьёй. И тут я вспомнила о родителях матери. Тех, о которых она ничего не говорила и даже не вспоминала их. Я знала лишь их имена и название деревни, в которой они жили. Этого было достаточно, чтобы отыскать их. Разумеется, если меня не поймают раньше. Нужно быть осторожнее.

ГЛАВА 5

Я согласилась на требования матери. Согласилась увидеться с женихом и вести себя скромно и тихо, как и полагается молодой незамужней женщине. Я на всё согласилась, лишь

бы усыпить её бдительность. Если бы стала перечить, отец перебил бы мне хребет палкой, как и обещал. А мать не заступилась бы, как обычно.

Низко опустив голову и глотая злые слёзы, я бродила так до самого вечера. Удивительно, но мать не ругала меня за то, что хожу просто так и ничего за целый день толком не сделала. За меня давали столько золота, что теперь уже всё это стало неважным.

Я делала вид, что страдаю и переживаю, однако, на это времени у меня не было. Отчаянно соображая, как совершить свой побег, я то и дело осматривала сад и дырку в заборе, мысленно примеряясь к ней и представляя, как буду пролезать в такое узкое отверстие. Я обхватывала талию ладонями, надеясь, что не слишком толстая и не застряну там. Тогда отец меня точно убьёт.

Наступила ночь, и я делала вид, что сплю, заранее одевшись и накрывшись одеялом с головой. Было жарко и душно, но я не решалась высунуться. Казалось, что за мной следят даже стены дома, и, как только покажусь, тут же прибегут родители.

Пролежав в одной позе несколько долгих часов, решила выйти из своего укрытия, предположив, что все уже уснули.

В доме было непривычно тихо. Наверное, оттого что обычно в это время я уже крепко спала, уставшая после долгого и изнурительного дня. Взяв свой маленький узелок, накинула на плечи тяжёлое покрывало, без которого из двора никогда не выходила. Я часто видела других девушек без покрывала, просто в платке и длинном платье, закрывающем шею, руки и ноги. Мне и самой хотелось так одеваться, но мать запрещала, поясняя это тем, что незамужняя девушка не должна показывать своё лицо и фигуру.

Сейчас же покрывало служило мне некоей маскировкой, и под ним я чувствовала себя спокойнее. На негнущихся ногах приблизилась к комнате братьев, припала к двери и прислушалась. Оттуда доносился дружный храп. Следующей остановкой была дверь в спальню родителей. Там было тихо, и я на какое-то время замерла от страха, опасаясь стать услышанной и пойманной. Простояв так несколько минут, сделала первый шаг, затем второй, а затем выпорхнула из дома, обрадовавшись тому, что отец не стал запирает дверь. Идти к нему за ключом я бы не осмелилась, тогда довелось бы прыгать из окна в колючий кустарник.

Оказавшись на улице, глубоко вдохнула, закрыла глаза. А что, если меня поймут? Если отец настолько рассвирепеет, что, отыскав меня, просто забьёт своей палкой? Он мог, я это знала. Я много раз видела в нём жестокость и ненависть ко мне, ко всему женскому. Даже к той, что родила ему двух сыновей, которыми он всегда гордился. Особенно Фаридом, в котором не было хитрости, как в Амине, а лишь беспричинная жестокость и грубая сила, которой он то и дело страшил меня, а иногда и не только страшил. Ему нравилось меня бить и, пока мы были ещё небольшими, он всегда заявлял, высоко задрвав подбородок, что первым делом, когда женится, побьёт свою жену. Чтобы была послушная. Я буду ненавидеть отца и за это. За то, что превратил моих братьев в таких же моральных уродов, каким был сам.

Пути назад не было. Я не могла вернуться и покорно ждать брака со стариком, которого ещё ни разу не видела, но уже ненавидела и боялась всей душой. Нужно попытаться. Я должна...

В сад пробралась тихонечко, словно кошка. И так же тихо покинула его, проскользнув в дырку. Зря боялась. Я была настолько худая, что даже не почувствовала дискомфорта.

Оглянувшись на забор, за которым выросла, улыбнулась. Я смогла выбраться из ада. А значит, смогу и сбежать. Меня никто не остановит, я доберусь до родителей матери и, если они откажутся помочь, то хотя бы попрошу у них немного денег. Я буду плакать и умолять, если потребуется, упаду перед ними на колени и стану целовать их ноги. Они не смогут мне отказать. А потом я уеду из страны. Знаю, что есть и другие страны, где живут другие люди, не такие, как мы. Мать говорила, что земля очень большая и на ней полно мест, где ещё никого

нет. Среди людей или же вдали от них, я найду место, где смогу спрятаться от отца и мерзкого старика.

Пешком идти пришлось долго. Иногда я пряталась в кустах у обочины и там отдыхала. Ужасно болели ноги, и кажется, натёрла мозоли.

Не знала, чем закончится этот мой побег и помогут ли мне дедушка с бабушкой, но на душе было радостно. Подогревал азарт и силу воли тот факт, что я смогла пойти против слова отца, смогла сбежать из дома. А ведь я раньше никогда никуда не выходила, за редким исключением, когда трава на малом пастбище заканчивалась и приходилось гнать коров и овец на большое пастбище, что аж на краю деревни. Иногда мы выходили в гости, преимущественно на свадьбы – других праздников практически не было или же их отмечали дома. Несколько раз отец брал меня в город, когда братья болели или уходили на сенокос. Мы меняли товар, покупали продукты и снова ехали домой. Тогда-то дорогу я и запомнила. Она проходила как раз через ту деревню, где и жили родители моей матери. Мы никогда не заезжали к ним в гости. Жаль. Так бы я знала точно, где они живут.

До деревни я дошла к обеду. Чем выше поднималось солнце, тем страшнее мне становилось. А что, если отец уже едет за мной. Что, если они догадались, куда я отправилась и мне так и не удастся дойти до дедушки с бабушкой?

Машины ездили по просёлочной дороге довольно редко, и каждый раз, когда слышался гул мотора, я убегала в кусты и там ждала, пока машина проедет мимо.

На въезде в деревню остановилась, окинула взглядом ряд небольших старых домов. Людей на улице было очень мало, и это хорошо. Чем меньше людей меня увидят, тем меньше свидетелей...

Дорогу всё же пришлось спросить. Я назвала имена своих родственников, и какая-то добрая бабушка устремила кривой указательный палец в гору, куда ровной дорогой уходила деревня.

– Вот там они живут. А ты кто такая будешь? Почему одна здесь?

– Я не одна. Отец там меня ждёт... В машине... – я неопределённо махнула рукой и поспешила распрощаться со старушкой. Ни к чему привлекать излишнее внимание.

Спустя полчаса всё же отыскала нужный дом и, войдя во дворик, судорожно прижала руки к груди. Было страшно и волнительно. Очень хотелось увидеть, наконец, своих родных, но я не знала, как они отреагируют на мой неожиданный визит. Если они такие же, как мать, то просто выгонят меня, не пожелав влезать в дела чужой семьи. Или же отвезут домой, к разъярённому отцу...

Но мои опасения были напрасными. Дверь открыл дедушка. Невысокий седой старичок с длинной бородой. Я посмотрела в его глаза, и где-то у сердца стало тепло и уютно. У него были такие добрые глаза, что душа тут же потянулась навстречу.

– Я ваша внучка, – сказала тихо, а старичок отступил от меня, прищурился.

– Самина?

– Да.

– Вот как... Так ты одна, или что? – он выглянул мне за спину, удивлённо отметил, что я действительно одна.

– Отец хочет меня замуж отдать. За старика. Помогите... – слёзы, упрямо сдерживаемые всю дорогу, вдруг хлынули из меня вместе с тяжёлым, жалобным стоном, а дедушка, покачав головой, взял меня за руку и завёл в дом.

– Сядь здесь, – указал на стол, где уже дымились две миски с пахнущим вкусно супом, стояло большое блюдо с лепёшками. У меня ужасно болела голова, и хотелось есть, но тронуть

еду родственников я не решалась. Дождавшись прихода бабушки и деда, подняла на них умоляющий взгляд.

– Ты голодна? – спросила бабушка вместо приветствия, и я заплакала, часто кивая.

Они не ругали меня за побег, не прогнали и не упрекали. И даже накормили. Однако я почувствовала исходящую от них тревогу. Они боялись, хоть и были рады меня видеть.

Когда дед вышел из дома, бабушка вполголоса поинтересовалась о матери и братьях, а потом, узнав, что у них всё хорошо, всплакнула, утирая слёзы тыльной стороной ладони. Быстро вскочила, когда вернулся дед, и повернулась к нам спиной, принимаясь вытаскивать из печи лепёшки.

– Останешься у нас! – громогласно объявил дедушка, бросив на стол мешочек с табаком и достав из кармана трубку. – Мы уже немолодые, по хозяйству помогать будешь. Но если отец твой за тобой придёт, мы отдать тебя должны будем. Не к нашей семье ты принадлежишь. Так вот я что скажу, девочка. Увидишь отца своего – беги за сарай, а оттуда через соседский огород в лес. Соседи наши не выдадут, я поговорю с ними. Но если попадёшься, мы со старухой не помощники тебе. А сейчас поешь, отдохни с дороги и принимайся за работу. Нужно коз на пастбище отвести, а у меня колени болят.

Я сложила руки в замок, прижала их к груди и в который раз за этот день разрыдалась. Самый замечательный день. Самый прекрасный день. День, когда я встречу свою судьбу...

ГЛАВА 6

Таиру было непривычно здесь после большого и шумного мегаполиса, ночной жизни в окружении полуголых девочек и разборок, что настигали его время от времени. Постоянный экстрим, драйв и движение, казалось, уже текли по его венам вместо крови.

Здесь было жутко. Более жутко, чем на «стрелах». Тихо и стрёмно. Женщины под покрывалами слоняются, словно привидения, иногда проезжает какой-нибудь абориген на лошади или старой коптящей раздолбайке. Собаки и те не лают, будто боятся, что их камнями забросают.

Иномарка Таира плавно остановилась у старых деревянных ворот, тут же привлекла к себе внимание босоногих пацанов, бегающих стаей за тощим кошаком.

Абаев вышел на улицу, поморщился от яркого солнца, что слепило даже сквозь линзы затемнённых очков. Жарко, душно, паршиво. Зачем он вообще сюда припёрся?

Словно в другой мир попал. Абсолютно чужой. Как мать здесь жила? Как она вообще узнала отца под таким вот покрывалом? Проводив косым взглядом женщину, укрытую чёрной плотной тряпкой, покачал головой. Нет, он знал законы этих мест и уважал религию, которую чтит его отец и мать. Но, как обычно, всё портили люди. Даже то самое светлое, что, казалось бы, невозможно изгадить. Женскую чистоту и девственность ценили во всех уголках мира во все времена. Эти же фанатики даже добродетель обратили против тех, кто ею владел, чем вызывали у Таира лишь глухое раздражение.

– Приехал, значит? – услышав скрипучий голос старика, повернулся к дому. Скрюченный в три погибели горбатый дед взирал на него своими маленькими белесыми глазёнками, торчащими из седых волос, которыми заросла вся его голова.

Таир плохо понимал их диалект, предпочитая русский или же наречие, на котором говорил отец. Тот вырос в городе, а городские, как известно, с деревенскими в этих местах мало общаются.

– Приехал, – специально ответил на отцовском диалекте, который этот старый упырь точно ненавидит. И не прогадал. Старика передёрнуло.

– И зачем? Что забыл здесь? – прокаркал, скривившись, будто его внук выглядел ещё хуже, чем он сам.

– Хочу забрать кое-что, что принадлежит моей матери.

– У меня этого нет.

– Ты даже не знаешь, о чём я.

– У меня ничего нет от твоей матери. Дом шлюхи не здесь, – несмотря на существенные преграды в общении, Таир всё же понял его, сжал кулаки, что вмиг зачесались от желания как следует отходить ими паршивого старика.

– Моя мать – не шлюха. Моя мать чистая женщина, всегда была ею и таковой останется! А ты мерзкий урод, искалечивший её! Как ты живёшь после всего столько лет?

Старик сощурил свои глазёнки, отчего они стали ещё меньше.

– Не тебе меня судить, сын шлюхи! Убирайся отсюда! – старик закашлялся, согнулся ещё ниже к земле.

– Отдай подвеску, которую сорвал с шеи моей матери, и я уеду. Я знаю, она у тебя, – Таир и сам бы рад уехать отсюда подальше, да ноги обратно не понесут. Он обещал матери и должен сдержать обещание.

– Нет у меня никакой подвески! А этой шлюхе скажи, чтобы ни её, ни её отпрысков поганых я здесь больше не видел! – злобный упырь захлопнул перед ним скрипучую калитку, а Таир, выдохнув, развернулся к машине. Не приставлять же ствол к виску старика. Хотя, честно говоря, за всё, что он сотворил с матерью, хотелось. Хотелось размазать его мозги по этому старому забору и под ним же похоронить долбаного фанатика.

Что-то заставило его остановиться. Застыть. Какое-то неясное ощущение, что за ним наблюдают.

На другой стороне испещрённой ямами старой дороги стояла мелкая девчонка. Из-под тяжёлого тёмно-серого покрывала выглядывала невинная мордашка. Совсем ребёнок ещё. Худосочная, перепуганная. Она смотрела ему прямо в глаза, при этом её рот смешно приоткрылся, а глаза расширились на пол-лица. Таир вспомнил, что линзы остались в гостинице, досадливо цокнул языком.

– Чего тебе? – видимо, слишком громко крикнул на неё, потому что девчонка вздрогнула и бросилась за свой забор, пытаясь там спрятаться. Дурная совсем. Нужна она ему сто лет...

Наверное, родители пригрозили ей сломать ноги, если ненароком посмотрит на мужчину. А может, глаз его испугалась. Да и плевать.

Сев в салон, с ненавистью посмотрел на ветхий домишко, где был в первый и последний раз ещё в раннем детстве. Тогда старик на его глазах сломал матери ногу большой кувалдой и вышвырнул её, вопящую от боли, вместе с сыном за порог. Таир тащил мать на себе до такси, а потом старенькая машина долго ехала до города. Отец же, увидев, что сотворил с мамой дед Таира, порывался убить старого ублюдка, но мать, как обычно, не позволила. Сильная всепрощающая женщина. Она любит даже тех, кто возвращает ей лишь боль.

Таир обязательно вернётся. Вернётся и заберёт подвеску, чего бы ему это ни стоило. Даже если придётся пристрелить старого подонка.

Я влюбилась в тот день. Отдала ему своё сердце в тот самый момент, когда он впервые посмотрел на меня своими глазами... Глазами, подобных которым не видела никогда ранее. Один глаз его был тёмно-карим, а второй – серым. Я подумала тогда, что он ангел, ведь таких красивых людей не бывает, да ещё и с таким необычным взглядом. Позже я узнаю, что он и правда ангел. Только падший...

Отчего-то он ругался с нашим соседом, но я плохо его понимала. Красивый мужчина говорил как городские, я слышала их говор, когда выезжала с отцом на рынок. Там всегда было очень чисто, красиво, и везде посажены цветы. Только девушки все сплошь шлюхи. Так

говорил мой отец, качая головой и глядя на них с отвращением. Разумеется, шлюхами они не были, просто одевались и вели себя немного свободнее.

Я боялась их разглядывать в открытую, поэтому делала это исподтишка. Меня манили они, как и всё неизведанное, то, чего не знала и не понимала. Совершенно другие люди. Не такие, как мы... Я боялась греха, а они, похоже, нет. Потому что держали головы прямо, не склоняли их, как полагается девушкам. Некоторые даже разговаривали с мужчинами, стоя посреди улицы.

Иногда они подходили к нам на рынке и интересовались у отца, сколько стоят яблоки или персики. Отец всегда отвечал им сквозь зубы, с неприязнью, и поэтому фрукты они у нас не покупали. Тогда я думала, что дело в них, но на самом деле дело было в моём отце. Девушки же молча разворачивались и гордо уходили, всё также с высоко поднятыми лицами.

Этим они меня и привлекали... От них пахло свободой, только я тогда ещё не знала значения этого слова. Так пахло и от этого мужчины. Он был такой большой, сильный, хоть и очень грозный с виду. Он был совсем не похож на мужа Фатихи или моего отца. Даже моим братьям не сравниться с ним. Я не чувствовала его запах – стояла слишком далеко, но была уверена, что от него пахло по-другому, не потом и навозом, а чем-то свежим, как кофе, который по утрам пила мать, или черешней, которую я любила собирать в нашем саду. Его одежда была идеально чистой и совсем не похожей на ту, которую носят у нас. А его машина походила на огромного, лоснящегося жеребца, бьющего копытом об землю.

Когда мужчина прикрикнул на меня, я испугалась, что сейчас он пойдёт к деду с бабушкой и расскажет о том, какая недостойная у них внучка, что позволяет себе стоять и пялиться на незнакомца. Но он не пошёл, сел в машину, и я даже испытала разочарование, уколотившее прямо в сердце. Чёрный «жеребец» тронулся с места, а я, не помня себя от сумасшествия, неожиданно затуманившего голову, бросилась на дорогу и там стояла несколько минут, со слезами глядя вслед моему тёмному ангелу с разноцветными глазами...

ГЛАВА 7

Он долго не приезжал. Я ждала каждый день, то и дело находя себе работу недалеко от стареньких ворот, чтобы увидеть возлюбленного издалека, и когда слышался рёв мотора, как ошалелая бросалась к калитке, чтобы посмотреть, не он ли это.

Заметив моё странное поведение дедушка с бабушкой решили, что я так боюсь приезда своих родных. Я, конечно, боялась и вечерами, когда ложилась в постель, долго не могла уснуть, потому что в голову забирались пугающие мысли. Ведь родители меня совершенно точно искали. Отец ни за что не спустил бы мне побег.

Но внутри родилась ещё одна мука... Любовь. Я влюбилась в мужчину с разными глазами и больше не могла думать ни о чём и ни о ком, кроме него. Такого красивого, высокого, стройного и широкоплечего. Влюбилась в его чёрные, как смоль, волосы, в его короткую лоснящуюся бороду. И в те самые глаза, необычные и завораживающие.

Поначалу я думала о нём с улыбкой. Представляла, как приедет и снова посмотрит на меня. Мечтала, как вдруг влюбится и придёт к дедушке с бабушкой, чтобы попросить меня себе в жёны. Я тогда, наверное, задохнулась бы от счастья.

Но он всё не появлялся, и я начала плакать по ночам. В груди словно камень залёг, тяжёлый и раскалённый. Он жёг меня, душил, а я лишь тихо рыдала, накрыв голову подушкой, чтобы не разбудить дедушку с бабушкой.

Странно, я не скучала ни по матери, ни по братьям, ни даже по Фатихе – единственной, кто хорошо относился ко мне... Я скучала по тому, чьего имени даже не знала.

Вскоре он стал моей навязчивой, но несбыточной мечтой. Иногда даже казалось, что я его придумала или увидела во сне. Может, его вовсе не существует, и я больше никогда не

увиджу тех глаз... От подобной мысли становилось ещё больнее. Острым кинжалом пронзала сердце моя неразделённая, покинутая любовь.

Я панически боялась забыть его и в то же время вспоминала с болью в груди. Усиленно рисовала в сознании его прекрасное лицо, чтобы он приснился мне. Но он не приходил даже во сне. Будто смеялся надо мной, глупой дурочкой.

– Что же ты так плохо ешь? – сокрушалась бабушка. – Девочка? Посмотри на меня? Ты боишься отца? Не беспокойся. Если этот человек появится здесь, я помогу тебе бежать. У меня уже всё готово.

Я подняла на бабушку потерянный взгляд, и та восприняла мой молчаливый крик по-своему.

– Бедное дитя. Смотри, что сделали с ней, – обратилась она к деду, а тот задумчиво покачал головой.

– Они её родители. Что ж мы можем сделать?

– Да, ты так же говорил, когда дочку замуж за этого отдавал. И смотри, что из того стало? Даже внуков не видели ни разу, – в голосе бабушки послышался укор, а я подняла голову. Я никогда не спрашивала о них у матери, зная, что та отругает, не спрашивала и у них о том, почему они никогда не приезжали к нам в гости, а мы к ним. Но теперь мне стало интересно.

– Я хотел отдать её замуж за хорошего человека. Но вышло по-другому. Что мне теперь делать? – громыхнул на неё дед, осадив тяжёлым взглядом. Бабушка притихла, склонив голову, а я всё же осмелилась задать вопрос:

– А зачем вы тогда её отдали, если знали, что отец плохой человек?

Дед недовольно цокнул, поднялся, стукнув рукой по деревянной столешнице, накрытой белой скатертью.

А когда он ушёл, бабушка с сочувствием посмотрела мне в глаза.

– Страшный он человек. Жестокий и безжалостный, – я не спрашивала, о ком она говорит, и так было ясно, что не о дедушке. – Нам сыновей Всевышний не дал. Свою единственную дочку воспитывали в строгости, но и в любви. Самой красивой была в деревне. Ходила всегда с открытым лицом, хоть отец и ругался... А парни с ума сходили. Как ей исполнилось столько, сколько тебе, сваты пошли. Только она замуж не хотела. Учиться хотела, в город поехать. Отец не разрешал, а теперь, наверное, жалеет... Говорил, стыдно это. Дочка тогда всех женихов отвергала. И красивые были, и богатые, никого не захотела. Только учёбой своей и бредила. А потом пришли сваты из другой деревни. Отец твой привёл. Мы с дедом сразу же заметили, что нехороший он... И отказали. Так он на следующий день поджёт нам дом и записку с камнем в окно бросил. Мол, если дочку за него не отдадим, обесчестит он её и убьёт. Нам пришлось отдать её, чтобы спасти от позора и гибели.

Я ахнула, закрыв рот ладонями. Тогда ещё плохо представляла, что значит обесчестить, но хорошо знала, что следует за этим. Девушки либо сами с собой кончают, либо их убивают родственники, чтобы смыть с семьи клеймо шлюхи её же кровью.

Я всегда знала, что отец жестокий человек. Но после рассказа бабушки возненавидела ещё больше. Казалось, если бы мне кто-то дал в руки нож и подтолкнул к отцу, я, не раздумывая, воткнула бы лезвие прямо в его гнилое сердце.

А моя мать? Ведь я знала её совершенно другой. Кто бы мог подумать, что раньше она хотела стать городской. Она хотела учиться! Я не раз слышала, как она называла городских девушек шлюхами за то, что ходили с открытыми лицами. А теперь, оказывается, она и сама такой была! Что же сотворил с ней мой отец, отчего мать забыла о своих мечтах, смирилась с несвободой и превратилась в забитую, злобную, измученную постоянным трудом старуху? В тридцать пять лет она выглядела чуть моложе бабушки, а отец называл её старой клячей и грозился взять вторую жену, если больше не сможет родить ему сыновей.

По словам бабушки, мать так и не простила их за то, что выдали замуж за изверга. Тут я, правда, её не винила, хоть и бабушку с дедом упрекнуть тоже не могла. Я знала своего отца. Он мог причинить ужасную боль.

После такого откровения я не могла воспринимать Акрама, как того, кто подарил мне жизнь. Теперь он представлялся мне мерзким стариком, вроде того, за которого меня хотели отдать. Я видела в своём воображении, как страдала моя мать и как он ломал её, превращая в бесправное животное. И ей некуда было бежать.

Теперь мне хотелось на свободу пуще прежнего. Хотелось учиться, хотелось жить. Отец не разрешил мне ходить в школу после десяти лет, и всё моё обучение закончилось тремя классами начальной школы. Я умела читать, считать и писать – этого, как он сказал, достаточно. Но теперь для меня этого было мало.

Я не осмелилась заявить о своих пожеланиях бабушке и деду, побоялась, что отругают или даже прогонят. Но покрывало носить перестала. Бабушка не заставляла меня, а вот дед смотрел с недовольством. Он будто видел во мне мать, и иногда я даже замечала в глазах старичка слёзы.

Он боялся за меня, это я тоже видела. Каждый раз, когда мимо двора проезжала машина, он прогонял меня в сад, откуда было легче сбежать. И однажды его опасения всё же сбылись...

Будто почуяв опасность, притих пёс, которого я подкармливала остатками еды; поджав хвост, заскулил и спрятался за старый забор. Я присела рядом, прижала руки к груди в надежде, что это едет мой возлюбленный. Вот только когда гул стал громче, я узнала по звуку отцовский автомобиль. Он был старый, часто ломался, а Фарид то и дело крутил на нём какие-то гайки. Красивая, блестящая машина моего любимого с разноцветными глазами работала почти беззвучно. Её бы я не услышала издалека. А у соседей не было транспорта, если только лошади.

– За сарай иди! Быстро! – дедушка дёрнул меня за плечо, сам же продолжил ремонтировать покосившуюся калитку. – Если услышишь что, сразу же убегай, как договаривались!

Я бросилась за угол дома, и, как только исчезла из виду, залаял мой пёс. Машина остановилась у ворот, и я отчётливо услышала прокуренный, неприятный голос отца:

– Где она?!

Что отвечал ему дедушка, я уже не слышала, потому что неслась стремглав через сад к соседскому забору. Он был низенький, мне оставалось только перепрыгнуть и, пробежав по огороду бабушки Каримы, ускользнуть в лес. Я несколько раз тренировалась, хорошо изучив дорогу, и теперь эта задача казалась несложной. Но, как только подняла юбку, чтобы не зацепиться за острые колышки, меня вдруг схватили чьи-то руки и грубо поволокли назад во двор.

– Попалась, шлюха! – прошипел злобно старший брат, а я, дёрнувшись в его руках, закричала. – Опозорить нас вздумала? Да я сам тебя прибую!

– Отпусти! Отпусти! Не поеду с вами! Замуж за старика не пойду! Ни за что!

– Посмотрим, что ты скажешь, когда отец отходит тебя палкой! – Фарид оскалился своими сломанными спереди зубами и, вытащив меня из-за сарая, толкнул на землю.

Я упала прямо дедушке под ноги, подняла голову и жалобно заглянула ему в глаза. Бежать некуда – от ворот к нам приближался отец, а позади сложил руки на груди Фарид. Видимо, отец высадил его чуть дальше, и тот прокрался в сад. Той самой дорогой, которой я должна была сбежать...

– Ах ты ж, потаскуха! – зашипел на меня отец негромко, будто опасался, что его могут услышать. – Ну, погоди у меня!

Дедушка помог мне подняться с земли, и я сжалась в крошечный комочек, представляя, что сейчас сделает со мной Акрам. Но тут вдруг из-за его спины появился ещё кто-то, а я испуганно посмотрела на вторую машину, из которой и вышел этот кто-то... Толстый старик с маленькими, заплывшими жиром глазами и алчным большим ртом. Ему бы глаза побольше, и точь-в-точь как та лягушка, что встречает меня по утрам у колодца. Только лягушка не была

такой мерзкой... Я поняла, что это мой жених, без пояснений. Поняла и упала перед дедушкой на колени, обнимая руками его ноги.

– Не отдавай меня! Не отдавай им! Этот мерзкий старик меня забрать хочет!

Губы дедушки затряслись, глаза повлажнели, а пальцы крепко сдавили мои запястья. Дедушка оторвал меня от себя, поставил на ноги и прижал к себе.

– Оставь девочку, Акрам. Ты уже забрал у меня дочку. Забрал всё, что у меня было. Оставь её нам. Я воспитаю её достойно, а потом и замуж отдашь. Смотри, она ребёнок совсем.

– Она моя дочь! Только я решаю, когда и за кого её отдавать! – клещи отца вырвали меня из тёплых рук дедушки, сильно потянув за волосы. От боли, страха и обиды я взвыла, хватаясь за воздух. – Этот уважаемый человек дал за неё выкуп, и мы обговорили свадьбу! Фарид! – прикрикнул на брата и швырнул меня ему в руки. Тот, видимо, вдохновившись, схватил меня за волосы, как делал отец, и, толкнув так, чтобы я упала на колени, потащил по земле к машине.

– Отпусти её! – прогремел вдруг голос, который я узнала бы из тысячи. И говор тот самый... Городской. Это же ангел мой, с разными глазами...

Превозмогая боль в затылке, я подняла голову и через слёзы улыбнулась. Он пришёл, чтобы спасти меня.

ГЛАВА 8

Вернувшись в ненавистное село, Таир остановился на площади, разглядев что-то вроде небольшого местного рынка. Делать подарки старому ублюдку, которого ненавидел всей душой, желания было мало, но по-другому ему не забрать подвеску. Если только прострелить старику его лохматую башку и вырвать подвеску из окоченевших пальцев.

Зло усмехнулся. Хотелось бы, да. Только тут не его территория. Он здесь чужак. Ни к чему лишние проблемы, ему бы домой скорее вернуться, вернуть матери подвеску, чтобы та, наконец, надела её на шею будущей невестки, и жениться.

О Малике он не мечтал с тех пор, когда впервые увидел её. Не было и влюблённости или притяжения. Таир вообще никогда не любил ни одну женщину, кроме матери, разумеется. Но чувствовал ответственность за Малику, ведь она была ему обещана с ранних лет.

Красивая, чистая девушка, будто сошедшая с обложки журнала, только поскромнее и понатуральнее – такой была Малика. Их отцы договорились о браке, выгодном для обеих семей в материальном плане. Выгодная сделка и уверенность в завтрашнем дне, не более. Для Таира же предстоящий брак с Маликой был неким гарантом, что его, наконец, примут партнёры отца, как равного себе, а не золотого мальчика. Мажором, кстати, Таир никогда не был. Он всю жизнь трудился не меньше родителей и никогда не ждал поблажек. Хорошо знал, откуда вышли отец и мать и как сложно им было строить заново свой новый мир. Они никогда не жаловались, но жертвовали многим. Таир это видел, понимал и ценил. И старался соответствовать им, сильным людям, подарившим ему жизнь, несмотря на фанатичные запреты и страх получить наказание за «грехи», на страхе, перед которыми здесь возвращали детей.

Они подарили ему другое детство, преисполненное радости и счастья, и Таир просто не мог разочаровать этих людей. Иногда приходилось идти родителям на уступки, как было и с Маликой. Отец поставил его перед фактом, Таир беспрекословно согласился. Так было нужно.

Что касается самой невесты, Малика была счастлива. Так, по крайней мере, казалось, когда он смотрел в её горящие озорством глаза и розовеющие от смущения щёки. Таир, конечно, не идеал, да и старше её прилично. Но девушке нравился, а значит, всё хорошо. Главное, что воспитана она не по законам фанатиков, хоть и в строгости. Этого было достаточно. В любовь он верил, конечно, видел, как отец обнимает мать, как смотрит она на него. Но себе такого не хотел. Они из-за своей любви пережили много бед. Любовь – это слабость и боль. Браки по расчёту поспокойнее.

Скрепя сердце купил старому упырю каких-то продуктов, тряпок – в общем, всё, что ему подсунили ожившие при виде денежного клиента торгаши. Вряд ли они знали, что обозначает слово «клиент», но деньги явно любили.

Припарковавшись у ворот, вздохнул, собираясь с духом, и на всякий случай, так, от греха подальше, спрятал ствол в бардачок.

Шагнув к багажнику с продуктами, протянул руку за пакетами, но так и застыл при виде жуткой картины, разворачивающейся прямо перед ним, в соседнем дворе. Какого вообще?.. Что это?!

Не поверив своим глазам, застыл. Какой-то сопляк тащил за волосы мелкую девчущку, волоча её ногами по земле и явно собираясь затолкать в старую развалюху, типа советского производства. Девчонка сопротивлялась и что-то кричала на их наречии. Таир прислушался. Кажется, она умоляет не отдавать её замуж. Да точно, это же та девчонка, которую он видел пару недель ранее, когда приезжал сюда впервые.

Поморщился, но отвернулся, не желая вступать в эти дела. Ему никогда не понять местных порядков, а фанатичным дикарям не понять его, человека из другого мира. Так стоит ли тратить время? А его между прочим дома ждёт мать и невеста. Хватит уже слоняться здесь, пора сделать дело и уехать.

Взялся за ручки пакетов и снова застыл, когда в спину прилетело: «Помоги! Прошу, помоги мне!» – умоляла она кого-то, но этот кто-то явно не торопился её спасти. А перед глазами всплыл образ матери. Её также хотели отдать замуж за местного пастуха. Она воспротивилась и сбежала с его, Таира, отцом. Когда вернулась домой с маленьким сыном, чтобы повидать свою мать, её отец сломал ей ногу и выбросил за порог. Таир так и не увидел свою бабушку, но запомнил оскал на звериной морде деда. И возненавидел того на всю свою жизнь. Позже родители уехали в Россию, начали новую жизнь, но жуткие воспоминания всё ещё жили в подсознании. Таир думал, что давно их похоронил, однако они воскресли в тот же миг, когда услышал надрывный плач девчонки.

Выругавшись вполголоса, швырнул пакеты обратно в багажник и твёрдым шагом направился к зверью, трепавшему ребёнка, словно пиранья.

– Отпусти её! – рявкнул на сопляка с садистским выражением неприятной морды. Они не люди, что ли, совсем? За этого уродца её отдадут? Да он же по их обычаям даже касаться её не может до свадьбы. Или они уже женаты? Тогда хуже. Тогда Таиру ей не помочь, потому что брак заключён – жена принадлежит мужу. Он может даже убить её, и никто не посмеет перечить.

Все присутствующие застыли, девчонка со стоном подняла голову и глупо улыбнулась ему, а Таир, приблизившись, попытался определить, кто в этой своре старший.

– Кто отвечает за этот беспредел? Ты, отец? – обратился к старику, что замер неподалёку, приложив руку к груди. Позади него с немой мольбой в глазах стояла бабка и с надеждой взирала на гостя.

– Что тебе сынок? У нас тут дела семейные решаются... Шёл бы ты дальше, – старик покосился на стоящего рядом мужика, вздохнул. – Внучку замуж отдаём, – склонив голову, старик зарыдал, а Таир перевёл взгляд на мужика с презрительной миной. Этот, что ли, папаша?

– Замуж? Так она же ребёнок совсем. Сколько ей?

– Тебе-то что, – прохрюкал непонятно откуда взявшийся жирный боров. – Моя невеста, уже всё решено! А ты иди отсюда!

– Твоя невеста? – Таир усмехнулся, поначалу не поверив своим ушам и глазам. Ребёнка отдадут за этого хрыча, похожего на старую, жирную жабу? Серьёзно? Идея, как спровадить завидного женишка, возникла стремительно и так же быстро слетела с языка. – Я не знаю, кто ты такой, но девушка мне обещана. Я жду её совершеннолетия, чтобы взять в жёны. Так что

отпусти её, – повернулся к сопляку, а тот с перепугу разжал пальцы, и девчонка шмякнулась на землю.

– Ты кто такой? Я тебя даже не знаю! – завопил, краснея словно помидор, папаша. Что, собственно, и ожидалось. Но слова уже сказаны и назад их не забрать. Если он сейчас уйдёт, девчонку назовут шлюхой и убьют.

– Знаешь. Ты меня хорошо знаешь, – шагнул к горе-папаше, оттесняя того назад, загоняя в угол.

Таир ненавидел этих людей. Их и людьми-то назвать можно с большой натяжкой. Чисто с точки зрения биологии. Повадки же, словно в животном мире. Только взглянешь на эти рожи, необременённые излишками интеллекта, становится страшно за будущее человечества. Один зверёныш, тащивший девчонку за волосы, чего стоит. Всю эту отраву прививают детям с рождения. Они вырастают уже злобными ублюдками.

– Жених... Он мой жених. Не можете отдать другому... – скулила позади девчонка, ловко подхватив его сказку. Смышлёная. Как там говорят? В семье не без урода? Она точно не в узколобого отца пошла.

– Ты что несёшь?! – рявкнул на неё папаша и даже подался вперёд, но едва не врезался в грудь Таира и слабым умишком раньше положенного ему догнал, что не стоит.

– Что такое, тесть? Неужели мою невесту бить собрался? Так ты её для меня воспитываешь? – Таиру начинала нравиться эта игра. Во вкус, можно сказать, вошёл. Хотя, конечно, осознавал, что потом придётся выпутываться.

– Это правда? Ты обещал девочку другому?! – возмутился педофил, готовясь разразиться праведным гневом. Таир бы с удовольствием посмотрел, как эти ублюдки будут жрать друг друга, словно пауки в банке.

– Господин Асаф, что вы! Я не...

– Я дам много золота. Больше, чем дал он. Намного, – проговорил Таир негромко, подавляя рвущуюся наружу ухмылку. И не ошибся, потому что алчные глазёнки папаша вдруг загорелись.

– Прошу в дом, – широким жестом пригласил всех дед и зачем-то кивнул Таиру. Это он так обозначил, что не все в этой стае больные на голову? Что ж, радуется. Хотя теперь, похоже, придётся раскошелиться.

ГЛАВА 9

Мне казалось, что я потеряла сознание и вижу какой-то абсолютно нереальный сон. Ведь невозможно, чтобы такой, как ОН и вдруг захотел такую, как я... Худую, маленькую, с вечно растрёпанными, стриженными волосами. Некрасивую деревенскую девушку, сейчас ещё и грязную, измазанную землёй, по которой меня таскал Фарид.

Ангел не мог захотеть в жёны такую... Тогда я ещё не знала его имени, а про себя называла именно так.

Красивый и смелый, он говорил твёрдо и громко с моим отцом, глядя тому прямо в глаза. Не дрожал и не тушевался. А как он рыкнул на Фариду? И ведь тот послушался, сразу же отпустил меня. От Ангела исходили мощные опасные волны, которые уловил даже Акрам.

Меня оставили на улице с бабушкой, та обняла, прижала к своей груди и что-то тихо зашептала на ухо, целуя в макушку и приглаживая волосы, выбившиеся из-под платка. Кажется, она утешала меня, но я ничего не слышала из-за шума в голове.

Перед глазами лишь его лицо и руки. Почему-то больше всего мне нравились они. После глаз, разумеется. Мне впервые в жизни захотелось замуж. За него, за этого прекрасного мужчину, которого послушался даже отец. Я была уверена, теперь меня не отдадут за старика. Возможно, теперь он и сам не захочет иметь дело с моей семьёй, уже единожды его обманувшей.

Старика тоже пригласили в дом, хотя я надеялась, что Ангел его прогонит. Я вообще слабо понимала тогда, что происходит, но верила ему. Знала. Что он не оставит меня, не бросит...

– Хоть бы договорились! – возводила руки к небу бабушка и снова прижимала меня к себе. – Хоть бы не отдали этому мерзкому! Дитя же совсем, разве же можно такому старому да некрасивому девочку молоденькую? Нельзя, никак нельзя! Пусть лучше этому городскому тебя отдадут! – то ли молилась, то ли причитала бабушка, а я, спрятав лицо у неё на груди, тихо плакала. Только теперь от счастья. Потому что он приехал, он не позволил старику забрать меня. Теперь нечего печалиться.

Когда мужчины вышли из дома, отец приблизился ко мне, злобно прищурился и объявил зычным голосом:

– До замужества будешь жить здесь! Говорю при уважаемых свидетелях, что с этой минуты вы обручены! – объявил, поворачиваясь к моему Ангелу. Тот кивнул и молча пошёл прочь, а я задохнулась вдруг от счастья, ещё не совсем понимая, что произошло. – Слушай меня, потаскуха, – добавил отец уже тише, хватая меня за запястье. – Ещё раз попробуешь сбежать, Фариду скажу горло тебе перерезать!

– Она не будет сбежать, – вступилась за меня бабушка, буквально выдирая из рук Акрама.

Я же никого не слушала, лишь потерянно смотрела в след Ангелу. Что-то было не так, я чувствовала... Старик больше не претендовал на меня, а отец не забирал домой. Только и мой суженый с собой не звал. Даже не взглянув на меня, он вышел со двора и направился к своей машине.

– Давай, девочка, иди в дом. Иди же! Некрасиво так смотреть! – бабушка силой потащила меня к порогу, а дед, задумчиво огладив бороду, пошёл провожать незваных гостей.

Дед склонил голову набок и, выпятив нижнюю губу, долго изучал внука.

– Так ты сосватал соседскую девчонку?

Подслушивал он, что ли? Мерзкая деревня, скорей бы свалить отсюда.

– Тебя не касаются мои дела. Так что с подвеской? Я дам денег.

Старик окинул придирчивым взглядом вываленные на стол пакеты с провизией, поморщился.

– Конечно, заплатишь! И много!

– Говори сколько и неси подвеску. У меня заканчивается терпение.

Упырю словно нравилось трепать его нервы, а они уже, кстати говоря, были на исходе. Девчонка ещё эта... Откуда она взялась, а главное откуда взялась мысль помочь ей? Спаситель нашёлся. Взял на себя такую обузу, прекрасно зная, что рано или поздно придётся платить по счетам.

Обычно Таир не позволял себе поступать столь бездумно. Обычно он думал головой. Что случилось с ним тогда?

Ответ, конечно, очевиден. Он увидел в той девочке свою несчастную мать. Если бы отец не спас мать также, его, Таира, не было бы на свете.

И глаза её оленьи, испуганные до ужаса. Такого страха он с детства не видел. Так смотрела и мать, когда старик раскрошил ей ногу. Таир в тот момент понял, что даже если придётся взять из бардачка ствол и перестрелять всю эту позорную, алчную семейку, он это сделает. Триггер догнал так метко и быстро, что не успел опомниться, как оказался в доме деда с бабкой. Последние, в отличие от отца девчонки, казались более адекватными. По крайней мере, желания отдать ребёнка педофилу у них не было. Уже хорошо.

Разговор был малоприятным, уж очень убудочному педофилу хотелось заполучить себе в постель малолетку, а Таиру вскрыть ему глотку и утопить в его крови некоторых членов семейки. Держался. Потому как хорошо знал порядки местных. Если папаша заерепенится и

не захочет даже денег, тогда девочку никто не спасёт. Здесь женщины вообще не имеют права голоса. Ни в раннем возрасте, ни даже после совершеннолетия. Сначала за неё всё решает отец, затем – муж. Есть на планете места, где жизнь остановилась и застряла ещё в Средневековье. Это место одно из них.

Но и участвовать во всём этом дерьме приятно было мало. Таир достал из кармана мобильный, набил на дисплее довольно приличную сумму для местных богачей. Не особо крупную для него, но, может, он так расплатится за какой-нибудь из своих грехов.

Папаша девочки, хотя, вернее бы сказать, сутенёр, открыл рот и улыбнулся гнилыми зубами.

– Это хорошая сумма, но моя дочь совсем юна и...

– А вот так? – добавил ещё один ноль, и больше никто с педофилом не церемонился. Отец девочки сразу же согласился, дав понять, что решение принято.

Честно говоря, Таир думал, будет сложнее. На самом деле всё выглядело, как обычные торги. Аукцион. Кто больше даст.

Добавив папаше «на расходы», поставил ещё пару условий: во-первых, девочка должна дожидаться восемнадцати лет. Во-вторых, жить она будет у деда с бабкой. И тут особых прений не возникло.

– Как старший на этом собрании, я подтверждаю, что всё слышал и договор между вами скрепляю своим согласием, – заявил дед, явно расслабившись.

Таир был рад такому исходу. Пока был рад. Но знал, что теперь несёт ответственность за девочку. Хоть ему она и не нужна. Ну да ладно, с этим разберётся попозже. Через несколько лет. Главное сейчас – вернуться в Россию. Кто бы мог подумать, что он так сильно будет скучать по чужой земле.

– Я хочу твои часы, – старик кивнул на золотой аксессуар, едва не роняя слюни. Мелочный ублюдок.

Часы, конечно, было жалко. Их подарил друг из его мира. Того мира, где есть цивилизация и человеческие отношения. Там отец не ломает ноги своей дочери за то, что вышла замуж без его на то позволения. Там не отдают четырнадцатилетних девочек замуж за педофилов. За это вообще сажают в нормальном обществе. Только не здесь. И от мысли, что дорогую (даже не в плане денег) вещь придётся оставить здесь, хотелось выbleвать. Но обещание, данное матери, конечно, дороже.

Сняв часы, швырнул их в руки деда.

– Давай подвеску.

Зажав в кулаке драгоценную цепочку с кулоном, вышел со двора, нажал на кнопку на пульте сигнализации. Вокруг кружили обалдевшие пацаны, тыкая пальцами и радостно обсуждая приезд «бандита». Видать, дед уже пустил слушок по селу.

Бросив последний взгляд на домишко через дорогу, сел в салон и рванул с места, оставляя позади облако пыли. Наконец-то он едет домой.

Я украдкой посматриваю в окно, силясь увидеть его. Хотя бы краешком глаза посмотреть на его большую чёрную машину, что стойко ассоциируется у меня с жеребцом. Хочу снова поймать на себе взгляд тех чудных глаз, только мой суженый снова уехал, и теперь я не знаю, когда увижу его снова. Тоскливо и хочется плакать. Мне вообще в последнее время постоянно хочется плакать. Такая невыносимая мука эта любовь...

Бабушка ругается на меня, отгаскивает от окна и угрожающе замахивается тряпкой. Я не убегаю и не закрываюсь руками, потому что знаю, не ударит. Они с дедушкой вообще очень добрые и хорошие. Наверное, моя мать тоже была такой, пока не попала в руки Акраму. Если

бы меня выдали замуж за того отвратительного Асафа, я бы тоже, наверное, обозлилась на весь мир.

Сейчас же я просто растеряна. Всё произошло слишком быстро. Так быстро, что я не успела ничего понять. Вот меня выдают за старика, вот я убегаю. Вот меня снова тащат замуж за старую, омерзительную жабу, а вот вдруг является избавитель и спасает, вырвав из жадных рук отца. И вот я уже обручена с моим Ангелом с разноцветными глазами. Только когда схлынула радость от известия о помолвке с красивым городским, нахлынула вдруг печаль. Почему? Я не знала. Казалось, что меня обманули, пошутили, но ведь отец отказался от брака с жабой. А он не привык упускать прибыль. Значит, всё-таки договорился с Ангелом.

– Ну что ты маешься? Вечер уже, закрой это окно и больше не смотри в него, как побитая собака. Стыдно. Ты сегодня избежала самого страшного, так радуйся.

– Он уехал? – спрашиваю тихонько, а бабушка всплёскивает руками и укоризненно качает головой.

– Давно уже уехал, днём ещё. А тебе чего? Неужели бежать за ним хочешь?

Честно? Я хотела. Я была согласна лететь за ним на крыльях, бежать или ползти на четвереньках до самого города. Я на всё была согласна, лишь бы с ним.

– Но он ведь вернётся? – спрашиваю с надеждой и слышу недовольное цоканье позади – дедушке не нравятся мои вопросы. Девушка вообще не должна их задавать. Это стыдно. Но я уже видела своего жениха, нам объявили о помолвке, так почему бы не узнать больше?

– Конечно, вернётся. Разве столько золота за воздух дают? – смеётся бабушка и тут же осекается, когда дедушка с намёком прокашливается.

– Сколько? – вырывается у меня.

– Вааай, совсем ты невоспитанная! – разводит руками бабушка. – Разве можно такое спрашивать?

А почему нельзя? Разве я не имею права знать, за сколько меня продали? Вернее, мне было это неинтересно, когда речь шла о Жабе. Но я хотела бы знать, сколько золота за меня дал мой Ангел.

– Назира, иди кур покорми! – властно оборвал причитания бабушки дед и встал, приближаясь к нам.

– Я сейчас покормлю, сидите, – вскочила я, но бабушка надавила мне на плечо, принуждая снова сесть на скрипучую табуретку.

Дедушка присел на лавку, закурил свою трубку и, пронзительно посмотрев мне в глаза, принялся задавать вопросы, от которых я то краснела, то бледнела. Было неудобно говорить о таком с мужчиной, пусть и с дедушкой.

– Ты виделась с этим человеком раньше?

Ужаснувшись от мысли, что он подумает обо мне, я соврала:

– Нет.

– Он подходил к тебе, говорил с тобой?

– Нет.

– Что-то обещал, может? В обмен на что-то? Трогал тебя, касался руками?

– Нет-нет, дедушка Басим! Никогда! – замотала головой я и на этот раз действительно сказала правду.

– Значит, видел тебя, когда шла по улице с открытым лицом! – прогремел он, и я вжала голову в плечи. – Так ходить нельзя! Грех! Особенно теперь, когда ты помолвлена.

Я склонила голову в знак смирения.

– Я не буду больше.

– Послушай меня, девочка. Ты теперь женщина. Раз помолвлена, значит, взрослая. Когда бы он ни решил тебя забрать, ты должна быть готова стать хорошей женой этому человеку. Детство закончилось. Теперь ты не можешь смотреть на других мужчин, не можешь ходить с

непокрытой головой. Со двора никуда не выходи. Чтобы всегда у меня на виду была. Поняла? И ещё. На чердаке книги твоей матери... Там их много. Возьми лестницу в сарае и достань. Будешь учиться. Читай, всё запоминай. А Назира научит тебя готовить блюда городских. Чтобы нам не было стыдно перед будущим зятем и тебе перед мужем. Ступай.

Слова бабушки заставили меня воспрянуть духом. Словно новую жизнь в меня вдохнули. Я с готовностью вскочила, поклонилась бабушке Басиму.

- Я всё сделаю. Вы будете гордиться мной.
- Иди уже. Потом расскажешь, что знаешь.

ГЛАВА 10

– Здравствуй, Малика, – Таир склонил голову, чтобы заглянуть смущённой красавице в глаза, но та опустила голову так низко, будто и правда боялась взглянуть на него. С одной стороны, конечно, приятно, что девушку воспитали для него в строгости и по их обычаям. Но её поведение сейчас напомнило ту проклятую деревню, а Таиру хотелось забыть о своём недавнем путешествии как можно скорее. – Ты можешь посмотреть на меня, мы одни.

Вскинула на него озорной взгляд, улыбнулась. Таир сам не удержался, растянув губы. Она прелесть. Быть может, он когда-нибудь даже познает с ней любовь. Не такую, разумеется, как у отца с матерью, но уважение и привязанность – это тоже в какой-то мере любовь.

– Здравствуй. Я рада тебя видеть, – она действительно была рада. Трудно не заметить.

– Садись, – похлопал рукой по дивану рядом, зацепив взглядом ту самую подвеску. Жаль, мать так её и не поносила, решила отдать невестке. – Что тебе заказать?

– Я не голодна, спасибо, – присела рядом, одёрнув и без того длинную юбку. Было в ней что-то возбуждающее. Наверное, та самая загадка, которую прячут под одеждой все скромные девушки. На полуголых он уже рассмотрелся вдоволь, надоело.

В принципе, всех мужчин привлекает чистота и свежесть. Осознание, что ты единственный и будешь единственным.

- Мороженое, кофе?
- Чай, если можно.

Скинув заказ администратору, убрал телефон подальше. Таир редко находил время на встречи с родными, в том числе и с невестой. По приезду захотелось наверстать.

– Как дела у тебя? Как учёба?

Девчонка воспрянула, тут же принялась рассказывать о новой преподавательнице, которая, несомненно, разглядела в ней талант. Трещала без умолку, и Таир особо не вслушивался, просто расслаблялся, позволяя девичьему приятному голосу ласкать напряжённые нервы.

– Ты умница, – похвалил её за какое-то достижение, хотя, конечно, оба понимали, что после свадьбы она не будет работать, и профессия ей не пригодится. Но и необразованную брать не хотелось. Таир был воспитан в России с минимумом традиций родины отца и матери. Он с пелёнок был приучен уважать женщин, будь то мать или нянька, невеста или жена. Неважно. Все женщины достойны лучшего. Таковыми являются убеждения Таира Абаева, и этого у него не отнять.

Законы, где жизнь женщины стоит дешевле овцы, – не его законы. Таир был благодарен родителям, за то, что вырос в нормальном обществе, подальше от больших фанатиков, чьи мысли построены лишь на том, чтобы превратить жизнь тех, кто её даёт, в ад.

– Спасибо, – снова смутилась, когда взял её руку в свою ладонь. – И за подвеску тоже. Твоя мама рассказала, что ты ездил на родину за ней.

– Да. Ездил, – почему-то вспомнил ту мелкую девчушку, женихом которой теперь является. Идиотизм. Скорее бы она выросла, чтобы он снял с себя все договорённости и обязанности. Раньше нельзя, иначе её снова продадут.

– Хорошо там? Мои родители уехали, когда я ещё была маленькой, ничего не помню о родных краях.

– Ты не много потеряла. А скорее, даже обрела. Поверь, тебе бы там не понравилось.

Малика была воспитанной по традициям, однако родители никогда не её не били, не истязали и уж точно не стали бы выдавать замуж в четырнадцать за старого педофила. Сейчас ей девятнадцать, и Таир был рад, что девочку не постигла судьба многих её сверстниц. Будь она там, в том средневековье, уже рожала бы пятого ребёнка от какого-нибудь деревенского придурка с гнилыми зубами и не менее гнилыми мозгами. Вечно избитая, замученная тяжёлым трудом, едва ли она сейчас была бы первой красоткой своего института.

– Говорят, там плохо относятся к женщинам. Мою маму выдали за папу против воли, она даже не видела его до свадьбы. Хорошо, что он оказался очень хорошим человеком и они смогли полюбить друг друга. В наших краях даже практикуется... – она замялась, стесняясь озвучить мысль, но через секунду всё же продолжила: – Женское обрезание. Я бы не хотела такое пережить.

Таира внутренне передёрнуло. Вот уж дикость.

– Да, это действительно везение, что они уехали.

– Мне и правда повезло, – ответила многозначительно, награждая его влюблённым взглядом. – Но бабушка не разговаривает с матерью с тех самых пор. Мама не дала меня обрезать и увезла так, а бабушка заявила, что я грязная и никто теперь меня не возьмёт замуж, – Малика рассказывала это с усмешкой, явно не воспринимая всерьёз. А Таир вдруг подумал, что фанатики могли обрезать и Самину, маленькую, несчастную девочку. Надо бы выяснить этот момент, хотя если подобное произошло, он уже ничем не поможет искалеченному ребёнку.

О процедуре женского обрезания он мало слышал, вроде как в их краях оно уже давно не практиковалось. Иногда Таир брал на работу женщин, сбежавших из ада. И как-то даже увидел результат обрезания в своей постели, с тех пор с землячками не спал. Было жутко это видеть, а о каком-либо сексуальном возбуждении речи вообще не шло.

Кто это делал и зачем – непонятно. Никто из фанатиков и экстремистов не может объяснить свои зверства, чтобы это было можно поставить хоть на самую нижнюю ступень логики. Это невозможно понять цивилизованному человеку. Ни одна религия не оправдывает женское обрезание, хотя делали его в разных уголках мира. В некоторые пришла цивилизация и появились запреты, другие же остались там, в прошлом, продолжая калечить женщин, от которых потом хотят получать детей.

Именно калечить, по-другому зверскую процедуру не назвать. Если мужчинам делают обрезание из гигиенических, медицинских или религиозных соображений, то в случае с женщинами кажется, что их просто целенаправленно лишают органов, которые отвечают за женственность и сексуальное желание. Сделать из неё рабыню, без удовольствий, охоты к жизни. Соответственно, такая не воспротивится и всё снесёт.

– Давай не будем об этом, – провёл ладонью по лицу, чувствуя, как закипает в венах кровь. Зря он туда поехал. Всё это пробудило давно уснувшую ненависть и желание сжечь под корень все те аулы вместе с их чокнутыми обитателями, предварительно забрав оттуда детей в нормальный мир.

– Прости, я не знала, что эта тема для тебя слишком болезненна... – Малика испугалась его выражения лица, даже отпрянула.

Наверное, слишком он всё-таки загнался. Пора возвращаться в реальность. Он не может всем помочь, да и, честно говоря, не стал бы, даже если бы был способен. Он не спаситель и не герой. Хотя та малышка, скорее всего, считает по-другому.

ГЛАВА 11

Место у окна, выходящего на дорогу и соседские ворота, стало моим любимым. Здесь я читала книги, выводила слова в тетради, ела или просто мечтала, уперевшись локтями в подоконник и глядя вдаль, туда, где начиналась лента старого, разбитого асфальта – единственной дороги, ведущей в деревню. Только по ней он мог приехать.

Я ждала. Ждала каждый день. Каждую минуту. Но он не появлялся, не навещал, не справлялся о моих делах. Бабушка видела, как я маюсь, но лишь молча качала головой, сокрушаясь. Наверное, мои ожидания выглядели неприлично, так не подобает незамужней девушке, но по-другому не получалось. Ангел с разноцветными глазами навсегда поселился в моём сердце и уходить отсюда не собирался.

Однажды я осмелилась спросить о нём у бабушки Назиры, пока деда не было дома. Она зацокала языком, в который раз возвела руки к небу.

– Ну что за девочка? Почему ты не можешь смиренно ждать своего будущего мужа, не задавая этих глупых вопросов? Что тебе нужно знать? – в итоге она сдалась, и я, воспользовавшись моментом, засыпала её кучей вопросов.

Так я узнала, что моего Ангела зовут Таиром, безумно красивое имя. Как и он сам. Узнала, что глаза ему, такие необычные, достались от матери. И что мать его убежала из дома, точно как я. Только сбежала с мужчиной, вопреки воле отца и за это была им изгнана из дома и деревни. Судя по страшной истории, которую мне поведала бабушка Назира, наш сосед такой же тиран, как мой отец. Акрам, к слову, больше не появлялся, лишь иногда присылал Фарида, чтобы тот справился о моём поведении.

Я радовалась, что сбежала из дома, это была одна из самых крупных побед в моей жизни. Я смогла дать отпор отцу, пойти против, встать поперёк его слова и в итоге добилась отмены свадьбы со старой Жабой. Правда, радовалась я рано.

Я о Жабе с удовольствием позабыла, а вот он обо мне – нет. Спустя несколько недель, чудовище вернулось, чтобы отомстить за отказ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.